

*Буров А.А.,
Бурова Г.П.,
Фрикке Я.А.
(Пятигорск)*

**Асимметричный дуализм и анизотропность в пространстве
полемиического «локуса» фразовой номинации**

Фразовая номинация представляет собой уникальное знаковое образование пространственного типа, в основании которого лежит предикация, выражаемая местоименно-соотносительным придаточным [Буров 2013: 7-18]. Ср.: *Все то, что происходило вокруг меня и со мной, тягивалось в роман, как в черную дыру* (Орлов. Аптекарь).

Структурирование семантического пространства синтаксической номинации как знака, направленное на постижение его внутренней формы, позволяет нам осмыслить сам механизм формирования полемиического локуса на всех структурно-семантических уровнях.

Полемика как некий знаковый «объем, определенное образование пространственного плана, когда на любом структурном уровне в пределах одной единицы синтаксиса концентрируется столкновение двух начал, вступающих в спор с целью определения сути явления, находит «выход» в первую очередь при употреблении сочетаемостных синтаксических единиц [13]. Это и понятно, поскольку в пространстве синтаксической формы слова полемическое столкновение смыслов возникает редко. Можно назвать в качестве отдельных примеров употребление энантиосемии, глаголов с двувидовым значением, слов с народной этимологией и другие факты словесной игры [9]. Не менее интересна картина формирования полемического локуса во фразеологии и ее периферии (ср. в частности, употребление оксюморона [3; 4; 7; 9 и др.]).

Фразовая номинация, как нам представляется, полемична уже по своей структурно-семантической природе, поскольку ее устройство основано на бинарном сосуществовании двух вариантов знаковой вербализации денотата в одном-единственном синтаксическом пространстве. Известный принцип асимметричного дуализма регулирует отношения между «полюсами», формирующими полемические связи. Употребляемая в тексте фразовая номинация реализует полемический потенциал, как правило, на нейтральном уровне, маркируя данную функцию в особых структурно-семантических условиях и проявляя свойства амбивалентного знака.

По мнению С.О. Карцевского, который на основе данного принципа в свое время гениально вскрыл специфику употребления лексического знака, сам статус семантического пространства которого определяется внутренним противоречием нескольких начал, объединенных единым лексическим локусом. По мнению ученого, невозможно предвидеть, куда повлекут знак семантические сдвиги, смещения. Однако в области грамматики подразделения происходят всегда попарно, и две соотносительные значимости противоплагаются как контрастные. В синтаксисе должны не только изучаться омонимические и синонимические сдвиги каждой

формы (что, впрочем, является единственным средством для понимания значения функции каждой формы), но и выявляться в какой конкретные ситуации и условия, в которых значимость знака приходит к своей противоположности. «Обозначающее (звучание) и обозначаемое (функция) постоянно скользят по «наклонной плоскости реальности». Каждое «выходит» из рамок, назначенных для него его партнером: обозначающее стремится обладать иными функциями, нежели его собственная; обозначаемое стремится к тому, чтобы выразить себя иными средствами, нежели его собственный знак. Они асимметричны: будучи парными (associés), они оказываются в состоянии неустойчивого равновесия. Именно благодаря этому асимметричному дуализму структуры знаков лингвистическая система может эволюционировать: «адекватная» позиция знака постоянно перемещается вследствие приспособления к требованиям конкретной ситуации»[6: 92-93].

Гениальная мысль С.О.Карцевского, на наш взгляд, может быть экстраполирована на пространство фразового наименования как номинационно-синтаксического знака.

В самом деле, функционирование фразового наименования(ФН), не ограничиваясь пространственной законченностью, предполагает включение, в частности, и двух элементов, связанных с полемикой. При этом общий фразово-номинационный план неизбежно выводит полемику на более высокий уровень, когда в полемические отношения вступают, с одной стороны, вся придаточная часть, а с другой – ее составляющие. Ср.: *Выбор, сделанный под влиянием благородного или низкого чувства, не есть то, что должно называть храбростью или трусостью?* (Л.Толстой. Набег).

Здесь мы наблюдаем полемические отношения на двух уровнях: а) собственно фразово-номинационном; б) внутрифразовом (внутритекстовом). Скорее всего лексико-синтаксического плана «обозначающее», выступающее здесь в качестве фразовой номинации денотата, представленного лексической номинацией *выбор*, фиксирует полемическую ситуацию

сложного характера. В процессе своего развития оно позволяет говорящему сфокусировать внимание на выражении полемического локуса, имеющего амбивалентный характер. С одной стороны, здесь присутствует столкновение двух не соответствующих друг другу начал (**храбрость или трусость**), а с другой – общее пространство фразового наименования, частично снимая данное противоречие, предполагает выход описательного на более высокий уровень. «Обозначаемое» при этом выступает как денотат, денотативная ситуация или денотативное состояние, когда требуется знаковое воплощение полемики как столкновения позиций, точек зрения, платформ, представленных в концентрированной лексической форме.

Действительно, полемическое употребление фразового наименования предполагает включение в микропространство синтаксической номинации обозначения того денотата, который соотносится с проецируемым описанием и который представляется говорящему предпочтительным в плане развертывания данной ситуации. Мы считаем, что сам структурно-семантический механизм фразово-номинационного «локуса» предопределен поиском аналога той сложной номинации, которая «развертывается снаружи».

Фразовое наименование во всей сложности и непредсказуемости своего развития предполагает не меньшую сложность в своей функционально-прагматической репрезентации. Это связано с проявлением уникального свойства, характерна именно для данного типа наименования – анизотропности.

Анизотропность имени может быть рассмотрена как одно из природных свойств номинационного знака наряду с асимметричным дуализмом, амбивалентностью, деструкцией, аннигиляцией и др. Свойства эти определяются природой пространства наименования.

Если асимметричный дуализм регулирует отношения между означаемым и означающим, их стремление к взаимодействию и взаимопроникновению [6: 89], то амбивалентность называющего знака

характеризует переход от одного качественного состояния имени к другому, его динамическое обновление [2].

Деструкция имени связана с его трансформацией, причем прежде всего в плане нарушения первичной связи с денотатом; это способность выступать немотивированно, обобщаться, метафоризироваться, фразеологизироваться, приобретать метазнаковые (метатекстовые) свойства эвфемизма и т.д. [14].

Аннигиляция же связана с полным «выветриванием» семантики и развитием у имени аппроксимационных, прономинализационных качеств дейктической «этикетки» в тексте, способности быть уже метаметазнаком несущим отрицание и номинации, и комментирующей оценки.

В ряду этих и других изначально данных и развивающихся в речевом акте коммуникации качеств номинации и находится то, что мы обозначаем как анизотропность.

Полемическое обозначение, выражаемое фразовой номинацией, характеризуется рядом специфических признаков, важнейшим из которых выступает анизотропность. Под анизотропностью мы понимаем такое состояние номинативности, когда во внутренней форме номинации «сталкиваются» две противоположные тенденции: с одной стороны, это тенденция к расширению, аналитизации плана выражения как попытка настичь ускользающую суть бытия (отсюда - синтаксизация наименования); с другой же стороны, синтетический грамматический тип языка сдерживает эту тенденцию, противопоставляя ей тенденцию к синтаксическому (план содержания) углублению в микромир внутренней формы, причем это связано не с этимологизацией или деэтимологизацией лексико-семантического поля наименования, а с постижением сакральной тайны имени. В этом плане данная тенденция предполагает анализ номинации (слова) как текста [3: 157-158].

Современные лингвистические технологии позволяют рассматривать номинацию как текст, как производное семиозиса, обладающее

определенным пространством. От лексикоцентрического этапа изучения наименования мы переходим к лексинтаксическому, или синтаксическому (текстоцентрическому), а от него – к антропоцентрическому, когда в компетенции языковой личности (ЯЛ) говорящего оказывается возможность познания наименования, получающего в тексте закрепление за формой определенной синтаксической единицы (А.А. Буров), в четырехмерном измерении. Если привычные нам семантические измерения – парадигматическое (ассоциативное) и синтагматическое (Ф. де Соссюр) и эпидигматическое (Д.Н. Шмелёв) - характеризуют языковую материальность, то четвертое – духовность языкового знака как производного человеческого, личностного семиозиса. Именно так можно осознать (а скорее – ощутить) духовную «семантику» номинации, то не фиксируемое словарями приращение смысла (может быть, это главное?), формирующее духовную ауру дискурса, которому посчастливилось иметь в своем пространстве другое пространство – номинационно-синтаксическое.

Так только можно, к примеру, вступить в диалог с автором практически всех текстов, созданных Т.Н. Толстой, когда уже в заставке текста, формирующей метаморфозу-трансформацию в дискурс, «планка» нравственного напряжения поднята благодаря употреблению адекватного наименования. Ср. вступление в пространство рассказа «Милая Шура»: *В первый раз Александра Эрнестовна прошла мимо меня ранним утром, вся залитая розовым московским солнцем. Чулки спущены, ноги - подворотней, черный костюмчик засален и протерт. Зато шляпа!.. Четыре времени года – бульдонежи, ландыши, черешня, барбарис – свились на светлом соломенном блюде, припиленном к остаткам волос вот такущей булавкой! Черешни немного оторвались и деревянно постукивают. Ей девяносто лет, подумала я. Но на шесть лет ошиблась».*

Привкус легкой иронии («остатки волос») не снижает особого духовного звучания развернутой комплексной дескрипции – пропозициональной вторичной номинации денотата, только что

представленного словарным субстантивом «шляпа». Пространство этого атрибута является духовным уже вследствие чисто женской гендерной синэргетики – природного стремления быть красивой (здесь – украшенной) в любом возрасте («Ты – очень женщина», - обращается в дневнике к объекту своих чувств русский писатель середины прошлого века К. Воробьев, в аналогичных целях нарушая законы употребления суперлативного наречия). Заметим, что четвертое измерение номинационного знака, имеющее «точечный» характер, характеризуется индивидуально ощущаемым ментальным началом. Именно там открывается выход на *синергетический уровень осознания природы имени*, когда «именования наличествуют во внутренне присущей природе “истинной” геометрии» [10: 42].

Идея Б. Мандельброта («To name is to know»), развивающая античную формулу «Nomen est omen» и ориентирующая нас на познание природы естественной номинации, не только приходит на смену конвенционалистской концепции наименования как следствия соблюдения «правил игры», договора, конвенции, когда мы видим в любом имени условную мотивированность, объяснимость, имеющую свой когнитивный предел, но и заставляет нас задуматься об анизотропности полемической номинации.

Анизотропность – это свойство номинации как текста: «неравные пути» (лат. *anisos* – ‘первый’, *tropos* – ‘путь’) здесь присущи и тексту, стремящемуся к целостности, синтезу; и номинации, которая призвана сохранять свою отдельность, индивидуальность в сознании языковой личности.

Говорящий ищет в имени мир как отражение себя, а в итоге получает текст как барьер между Ego – реальным и Ego – виртуальным (духовным). Имя уходит от текста, который неспособен постичь Ego – виртуальное, будучи связанным с Ego – реальным.

В самом деле, рассмотрим контекст:

«По Тверскому бульвару быстрыми, неверными шагами, не видя никого вокруг, шел щегольски одетый, но ужасно неряшливый молодой человек: мятый дорогой фрак, грязный белый галстук, в лацкане пыльная белая звездика. Гуляющие сторонились и провожали странного субъекта любопытными взглядами. И дело было не в мертвенной бледности щеголя – мало ли вокруг чахоточных, и даже не в том, что он несомненно был мертвецки пьян (его и пошатывало из стороны в сторону) – эка невидаль. Нет, внимание встречных, и в особенности дам, привлекала интригующая особенность его физиономии: при очевидной молодости у прожигателя жизни были совершенно белые, будто примороженные инеем виски».

(Б. Акунин. Азazelь).

Словарная лексическая фиксация имени представляет собой лишь условную «точку отсчета» его семантических возможностей, энергетического потенциала. Имя, или номинация, как текст **словесна**, потому что реализация этой текстовости в процессе употребления и есть вскрытие анизотропных свойств наименования. *«Совершенно белые, будто примороженные инеем виски»* Эраста Фандорина – это синтаксическое наименование, по своей структуре являющееся сложным субстантивным словосочетанием, выступая в качестве названия (как текст), естественно, несловарно, ибо невозможно иным путем (что и делает Б. Акунин) назвать то страшное состояние, которое испытывал герой, потерявший свою невесту.

Текст синтаксического наименования, таким образом, не словарен, а словесен, что присуще самой природе имени, бесконечности его семантического пространства. Их внутреннее противоречие предопределяет наличие известного «зазора», между ментальным и вербальным, о котором пишет У. ле Гуин. Мысль и ментальный посыл (например, во взгляде), фактически адекватны в отличие от мысли и слова, ее материализующего; в последнем случае связи между задуманным и высказанным может вкрасться ложь, рождающая непонимание [5]. Ложь эта может быть и «святой», преследующая благие, гуманные цели. Обратимся к следующему примеру.

Одному из героев романа А.И. Солженицина, выписанному из онкологической больницы, выдают медицинскую справку по месту жительства, в которой по-латыни написано: *Tumor cordis, casus inoperabilis*.

- *Нэ зрозумію, - тыкал туда пальцем Прошка. – Що такэ написано, га?*

- *Сейчас подумаю, - шурился Костоглотов с недовольным лицом.*

Прошка пошел собираться. А Костоглотов облегся на перила и свесил чуб под пролетом.

Никакой латыни он путем не знал, как и вообще никакого иностранного языка... Но всегда Костоглотов помнил пословицу своего любимого деда: дурак любит учить, а умный любит учиться – и даже в армейские годы всегда вбирал, что было полезно знать...

Так без труда он понял сейчас диагноз Прошки: «Опухоль сердца, случай не поддающийся операции»...

- *Так шо там написано? – беспечно спросил Прошка, забирая справку.*

- *И черт его знает, – скривил рот Костоглотов, и срам его скривился тоже. – Такие хитрые врачи стали, не прочтешь.*

- *Ну выздоравливайте! И вы уси выздоравливайте, хлопцы! Та до хаты! Та до жинки! – Прошка всем им пожал руки и еще с лестницы весело оборачиваясь, помахивал им.*

И уверенно спускался.

К смерти.

(Солженицын. Раковый корпус).

«К смерти» – вот тот парцеллят, выступающий в виде адвербиализирующей предложно-падежной синтаксической формы субстантивной номинации, которая, употребляясь лишь в самом финале контекста, концептно представлена в эвфемистической форме латинского паремиологизма. Все текстовое пространство между отрезками «*Tumor cordis, casus inoperabilis*» и «К смерти», подобно семантико-экспрессивной пружине, скомпрессовано в последней номинации, и мы благодаря

анизотропности наименования предворяем эту компрессию как номинационное резюме текстового пространства. «Зазор» между мыслью и словом здесь представлен именно в анизотропном виде, когда сосуществуют реальность и правдивая ложь.

Номинация, рассматриваемая как текст, открывает новые когнитивные грани имени как феноменального аккумулятора мифа, претерпевающего постоянный процесс демифологизации и ремифологизации. Каждое имя как языковая деструкция мифа неизбежно стимулирует его обновление; в принципе, сама возможность деструкции подтверждает неисчерпаемость и мифа, и архетипики рождаемых им концептов, поскольку предопределяется дискретностью, дистрибутивной зависимостью, знаковой статичностью, преодолеваемой в идиовосприятии имени за счет синтаксичности его семантики (В.Г. Гак).

Взгляд на номинацию как на текст обнажает в любом наименовании грани его семиотичности, концептуальности, лингвопрагматичности, эстетического совершенства, обусловленного степенью секретности (мифологичности). Номинация может быть рассмотрена в дискурсивном плане единственно с позиций текста, со всеми вытекающими отсюда поливалентными свойствами, обуславливающими выбор при употреблении в речи той синтаксической единицы, которая нужна и важна говорящему для материализации индивидуально ощущаемого им смысла.

Данные русского языка свидетельствуют, что анизотропность имени как текста можно рассматривать на разных уровнях языкового выражения, презентации внутренней формы. Это а) лингвистический уровень; б) лингвокультурный уровень; в) лингвомифологический уровень; г) лингвоэстетический (идиостилевой) уровень; д) лингвосакральный уровень.

На собственно лингвистическом уровне любое наименование (прежде всего это субстантивные аппеллятивы) характеризуется столкновением в пространстве своей внутренней формы двух тенденций – к расширению, анализу плана выражения (как попытка настичь ускользающую суть

бытия [9]), с одной стороны, а с другой – к сдерживанию этой тенденции в рамках синтаксического типа грамматического строя русского языка.

При оценке лингвокультурного уровня проявления анизотропности имени мы оперируем оппозицией его традиционно закреплённой концептной сущности и того конкретного семантического проявления, которое реализуется при употреблении имени в тексте.

Лингвомифологический уровень проявления анизотропности имени связан со столкновением мифологической основы концепта, лежащего в основании внутренней формы, и постоянно демифологизирующейся речевой формы наименования, одновременно и расшатывающей миф, и обновляющей его.

Лингвоэстетическому уровню проявления анизотропности присуще взаимодействие личностного, субъективно-образного, и общезыкового, объективного видения имени, занимающего определенное место в языковой картине мира.

На лингвосакральном уровне выражения анизотропности имени как текста, когда сознание оперирует идеальными, метафизическими сущностями происходит высвобождение идеальной энергии имени как следствие способности, по выражению П. Флоренского, быть «стражами заповедной от вторжения рационализма области» [11: 197].

Анизотропность, наряду с другими свойствами имени как культурного знака, члена кода и текста, позволяет расширить наше понимание полемической номинации.

Во-первых, номинация как текст ниспровергает реальность бытия, наделяя реальностью пространственно-вербальное бытие знака. Поэтому номинационное пространство всегда соотносимо с параноминационным (паратекст).

Во-вторых, номинация как текст является единственным «окном» не только в реальную, но и в виртуальную действительность и, соответственно,

в метатекст, подвластный сфере личностного, интимного, индивидуально ощущаемого авторского комментария текста.

В-третьих, номинация как текст одновременно и созидательна, демиургична, и разрушительна, губительна, поскольку создает иллюзию дискретности и конечности, иллюзию познаваемости мира в его «масках»; виртуальным, по сути, оказываются и мир, и его языковая картина, – реальна же только сама языковая личность автора номинации как текста - и формирующая фрагменты этой картины, и пытающаяся остановить в них мгновения бытия.

В-четвертых, номинация как текст выступает своеобразным «счастливым консенсусом» встречных желаний: это маска, удобная и для адресанта, и для адресата. Автор, называя мир и членя его, создает изображение как ложь, кроме самого изображаемого, но эта ложь плодотворна, ибо формирует новую реальность: реален рождаемый номинацией образ. Номинация как текст есть правдивая ложь, или лживая правда (что, в принципе, одно и то же). Вот почему оксюморонное наименование явно не заслуживает статуса риторическо-изобразительного средства, фигуры речи [7], а полемический «локус», лежащий в его основании, требует особого внимания.

В-пятых, взгляд на номинацию как на текст предполагает участие в обозначении различных структурно-синтаксических единиц и их произвольный характер употребления, и в симметрии/асимметрии мозаичной языковой картины мира проглядывает амбивалентное состояние биннома «ЯЛ автора – текст». Автор как демиург текста строит его по известным законам архитектуры (метод); текст как производное семиозиса имманентен и создается (самопроизводится) по своим законам (марксова «пчела»). Номинация в ее видимой модели атрибуции пытается выступить регулятором этого противоречия между производящим и производным, фиксатором – одновременно – и акта умирания, и акта сотворения.

В-шестых, благодаря номинации как тексту осуществляется загадочный процесс соединения «клеточек» номинационной мозаики в панно, в речевую связную ткань, в «тело» дискурса; при этом происходит его энергетическое насыщение. В образовании ноосферы и в выходе в «измерение ω» (В. Вернадский, Т. де Шарден) имя вещи соотносится с законами целого текста, сформировавшимся и диктующими свои условия этой сфере (Ф. Растье).

Таким образом, анизотропная номинация как одно из сложных, загадочных и интересных явлений речевой деятельности Homo Sapiens благодаря антропоцентрическому смещению научно-исследовательского ракурса гуманитарной парадигмы знания представляет собой перспективное поле деятельности, на котором еще очень много «белых пятен», ждущих своего первооткрывателя. Выражение полемики фразовой ее разновидностью – одна из таких областей *tabula rasa*.

Анизотропность полемической номинации тесно связано с аппроксимационным ракурсом обозначения. Аппроксимационное обозначение, часто лежащее в основе полемического употребления, основано на приблизительности представления в пространстве фразового наименования атрибутики двух вариантов обозначения – описательного, играющего роль реальной номинации, и предполагаемого, вводимого предикатом придаточной части [1]. В самом деле, обратимся к примерам. *Ему (Вронскому) вдруг вспомнилась она (Анна), то есть **то, что оставалось еще от нее**, когда он, как сумасшедший, вбежал в казарму железнодорожной станции (Л. Толстой, Анна Каренина). Далек, далеко от Грибоедова, в громадном зале, освещённом тысячесвечевыми лампами, на трех цинковых столах лежало **то, что еще недавно было Михаилом Александровичем** (Булгаков, Мастер и Маргарита).*

Фиксируя в «левом» тексте местоименно-субстантивного сочетания денотативную сущность, местоимение намекает на носителя какого-то признака, но само оно неспособно его обозначить, наделить значимостью.

Акт «схватывания вещи», выраженной местоимением, и отождествления, по А.Ф.Лосеву, с «инобытием» как именование завершается в «правом» тексте пространства фразового наименования, обозначая проявление имени вещи как орудия общения с самой вещью.

Местоименность придает аналитическим наименованиям типа «*то, что оставалось еще от нее*» богатство общего, а значит и образного (эйдетического) [8], и делает их индивидуально ощущаемыми наименованиями. Кроме того, обратим внимание на саму лексико-грамматическую модель пространства ФН, решающего задачи выражения авторской полемики в тексте. Как видно из уже приведенных примеров, сказуемое наименования-перифразы выражено, как правило, глаголами и их предикативными аналогами с семантикой «бытие», «существование», «называние», «ощущение», «представление», «говорение», «обозначение» и под. С когнитивной точки зрения все они и им подобные элементы характеризуют смысловую область «соотношение, сопоставление, связь субстанций». Именно данные предикаты формируют корреляцию, связь, взаимообусловленность двух субъектно-объектных элементов полемической корреляции – того базового бинорма, который и создает полемическое начало во фразовой номинации. С одной стороны – это местоименно-соотносительный блок – базовый языковой смысл-исход, по Н.Ю. Шведовой [12], а с другой – двойная конкретизация основного значения: 1) в пространстве придаточной части ФН; 2) в синтаксической форме имени-полемизатора – не авторской, а принятой, существующей, выражаемой с чьих-то слов или самим автором.

Библиографический список

1. Арчакова Р.А. Местоименно-субстантивные сочетания как средства обозначения аппроксимации в русском языке (на материале художественной литературы): Автореферат дис. ... кандидата филологических наук / – Майкоп, 2009. – 23 с.
2. Бахтин М.М. Творчество Ф. Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса/ – М.: Искусство, 1990. – С. 33-34.

3. Буров А.А. Когниолингвистические вариации на тему русской языковой картины мира. Монография / – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2003. – 361 с.
4. Буров А.А. Синтаксическая номинация: лингвокогнитивное измерение. Монография / – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ. 2013. – 160 с.
5. Гуин У. ле. Ожерелье планет Экумены: Фантастические произведения / – М.: Айрис 2001. – 234 с.
6. Карцевский С.О. Об асимметричном дуализме лингвистического знака // В.А. Звегинцев. История языкознания XIX-XX вв. в очерках и извлечениях. – М., 1965. – Ч. II. – С. 89-90.
7. Курегян Г.Г. Филологический феномен оксюморона (на материале русского языка). Монография / – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2011. – 142 с.
8. Лосев А.Ф. Философия имени. Самое само: Сочинения / – М.: Эксмо-Пресс, 1999. – 1024 с.
9. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры / – М.: Русский язык, 2002. -
10. Семиотика: Антология / Сост. Ю.С. Степанов. – М.-Екатеринбург , 2001, С. 5 - 42.
11. Флоренский П.А. У водоразделов мысли // Соч. Т.3, ч.1. – М.: Мысль, 2000. – 621 с.
12. Шведова Н.Ю. Местоимение и смысл / – М.: Азбуковник, 1998. – 176 с.
13. Штайгер Е.В. Полемика в пространстве текста и его единиц (конвенциональный аспект) // Вестник ПГЛУ. – 2009. – № 4. – С.38-42.
14. Derrida J. Le desementition / – P., 1972. – 168 p.